

**ПОБЕДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ -
ВЕЛИЧАЙШИЙ НАРОДНЫЙ ПОДВИГ**

Победа в Великой Отечественной войне – величайший народный подвиг: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (18-19 апреля 2005 г.). Псков. 2005. 280 с.

Редакционная коллегия:

А.А.Андреев, В.А.Дмитриев, В.Н.Лещиков, С.В.Лукиянова, А.Г.Разумовская, А.В.Филимонов (отв. редактор), Л.А.Холод

Технический редактор А.А.Кирсанов

В сборнике представлены тексты докладов и сообщений научно-практической конференции, в которых освещаются эпизоды боевых действий 1941-1945 гг., вопросы народной войны в тылу вражеских войск, отражения событий войны в литературе и языке, обобщается опыт военно-патриотического воспитания школ, поисковых объединений и школьных музеев.

573431

ISBN 5-87854-360-5

© Псковский государственный педагогический университет им. С.М.Кирова (ПГПУ им. С.М.Кирова), 2005

Тема Великой Отечественной войны в «толстых» журналах XXI века

Данное сообщение основывается на анализе журнальных публикаций, посвященных Великой Отечественной войне, за период с 2001 по 2004 год. Материалом служили подшивки «Нового мира», «Звезды», «Невы», «Москвы» и «Нашего современника».

Приступая к анализу военных материалов обозначенного периода, важно помнить, что с середины 1990-х годов, когда Г.Н. Владимов и А.И. Солженицын создали свои произведения о генералах Великой Отечественной, в развитии этой темы – одной из центральных в 1940-1980-е годы – наметилась некоторая пауза. Об этом выразительно высказался 5 лет назад журнал «Знамя» (№ 5, 2000), отметив, что у нас нет авторов младше 60-ти лет, которые писали бы о войне. В «Конференц-зале» журнал опубликовал интервью с писателями разных поколений. В. Быков, Г. Владимов, А. Волос, В. Соснора, А. Кабаков, М. Кураев назвали причины сложившейся ситуации: закрытость и неизученность архивов, отсутствие у молодых необходимого для освоения темы личного опыта и, наконец, приоритет проблем мирного времени. В связи со сказанным особенно интересно отражение темы войны в «толстых» журналах XXI века.

Первый вывод, который напрашивается после их чтения, следующий. Публикации, связанные с войной, появляются практически во всех «толстых» журналах. Они разнообразны по материалу, по времени написания, по возрасту, национальности и полу авторов, но относительно одинаковы в жанровом отношении: рассказ-мемуар, очерк, дневник, заметка. Поэтому интересующие нас публикации размещены в рубриках типа «Люди и судьбы» («Звезда») или «Дневники. Воспоминания» («Москва»). В художественных и публицистических разделах военные материалы практически не появляются, поскольку высокой художественной или проблемной значимостью, как правило, не обладают. Исключением здесь является рассказ В. Астафьева «Связистка» («Новый мир», № 7, 2001) и рассказ В. Быкова «На болотной стёжке» («Звезда», № 8, 2001).

Что касается распределения публикаций по времени, в целом нельзя сказать, что актуализация военной темы в журналах имеет только юбилейный характер. Конечно, 5 и 6 номера, как правило, публику-

ют какой-то военный материал, и всё же не только эти номера. Кроме традиционно связанных с памятью о Великой Отечественной войне дней 22 июня и 9 мая, скорбных и счастливых «дат войны» существует достаточно много: в январе была снята блокада Ленинграда, в июле произошло сражение на Курской Дуге, в ноябре началось Сталинградское наступление, в декабре шли бои под Москвой и т.д. В режиме регулярного годичного издания прикреплённость военных материалов к отдельным датам и событиям нивелируется. Например, «Наш современник» большую подборку материалов собрал к 50-летию Сталинградской битвы. Но они помещены в 1, 2 и 3 номерах журнала. К этой же дате «Москва» в феврале печатает главы из романа Ивана Кружко «Сталинград», в мае помещает рассказ этого же автора «Парламентёры. 9 мая 1945» о вручении ультиматума о капитуляции командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу Шернеру; в октябре – заметку М. Зубова «Меридиан героев». Таким образом война, звучит на страницах журнала достаточно регулярно, и у читателя создаётся представление об укоренённости в культурном сознании памяти о самой страшной войне XX века.

Продолжая юбилейную тему в связи с войной, надо сказать, что значимыми оказываются не только годовщины сражений, но и личные юбилеи писателей-фронтовиков (в этом отношении отмечены В. Некрасов, В. Быков и Г. Бакланов). Однако совершенно очевидно, что интерес к ним вызван не только юбилейными датами. Например, к 90-летию В. Некрасова «Звезда» в № 6 за 2001 год публикует документальный очерк В. Рябцева «Фронтовики», где речь идёт о документальном фильме, снимавшемся в 1964 году по сценарию Некрасова в Киеве. Но без всякого юбилейного повода в № 8 в разделе «Публикации» напечатан очерк самого Некрасова «От слова «любить»...» об Иване Сергеевиче Соколове-Микитове. Здесь же помещён рассказ В. Быкова «На болотной стёжке», тоже без всякого стремления отметить какую-либо дату. Обобщая, скажу, что Великая Отечественная война предстаёт событием прошлого, о котором нельзя забывать. Стратегия всех редакций направлена на утверждение этой мысли.

Теперь об индивидуальных различиях в освещении темы войны. Распределение публикаций на военную тему по журналам соответствует их общей эстетической и идеологической ориентации. Активней всего она представлена в «Нашем современнике», «Неве» и «Москве»; «Звезда», «Новый мир» и «Октябрь» в этом отношении намного сдержанней.

Военная тема – одна из главных в «Нашем современнике», поскольку Великая Отечественная война – самое значительное по масштабу событие советской истории; кроме того, она позволяет показать героизм народа и оправдывает пафос, что и определяет направление и стиль «Нашего современника». Патриотическая патетика и просоветская идеология этого журнала отражается в объёме материалов о войне (теме отдаётся 1/10, а иногда 1/7 объёма номера; для сравнения в «Москве» – 1/13). В целом можно сказать, что факты реальности, отраженные в публикациях этого журнала, дороже их художественной обработки.

Общепризнанный эстетический консерватизм «Нового мира» в освещении данной темы проявляется в строжайшем отборе текстов. Если, например, «Нева» очень часто сопровождает публикацию фразой «в «Неве» печатается впервые», то «Новый мир», отдавая однажды предпочтение В. Астафьеву, остаётся ему традиционно верен: раз в год читатель знакомится или с его произведением (рассказ «Связистка», в № 7 за 2001), или с неопубликованным ранее материалом биографически-публицистического характера (письмо Астафьева в № 11 за 2004 г.), или со статьёй о нем (Д. Шеваров «У Астафьева» в № 8 за 2003). Ограниченность публикаций на военную тему объясняется тем, что в этом журнале практически не публикуются воспоминания ради воспоминаний. Здесь обязательна концептуальность статей, и художественный уровень должен быть адекватен материалу. Предлагаемые сегодня тексты о войне, видимо, не соответствуют этим требованиям.

Наиболее содержательными оказались журналы «Нева» и «Москва». Будучи «местными», они естественно предрасположены к освещению истории своих городов, что в условиях бедности литературы о войне даёт журналу преимущество.

В «Неве» обращает на себя внимание выделение темы войны заголовками внутри рубрик. Например, в «Публицистике» материалы о войне снабжены подзаголовком «Будни войны», хотя в этой рубрике война освещается крайне редко. Зато практически в каждом номере в рубрике «7 тетрадь» выделяется «Помни войну», хотя военные материалы встречаются и в другом разделе «7 тетради», например, с названием «Совсем недавно, совсем давно». Стратегия журнала понятна: война – тема в определённом смысле обязательная, вечная, и в то же время особая, не предполагающая постоянного освещения. Традиционно назначенным в интересующем нас отношении является № 1 (в связи с

годовщиной снятия блокады), а наименее отражающим память о войне – предновогодний номер.

Специфическая тема в этом журнале – блокада Ленинграда. За 4 года появилось 13 публикаций, так или иначе связанных с ней. Открывая специальный раздел «Дети войны, дети блокады» в №1 2001 г., редакция пишет: «Из всех бед, постигших Россию в XX веке, Великая Отечественная война – самый трагический период в её истории, а блокада – самое горестное её событие. Свидетельств тому не счесть, но может быть, наиболее убедительное тому доказательство – незавершённая летопись тех давних военных лет. Всё меньше остаётся в живых тех, кто воевал на фронтах или стоял у станков, всё реже слышим сегодня их голос. На смену им пришли дети войны и блокады – наши отцы и матери, бабушки и деды. Летопись продолжается». Жанровое обозначение «летопись» здесь достаточно условно, хотя в одном, несомненно, публикации напоминают древнерусское повествование: в стремлении людей как можно более точно воспроизвести пережитое. Сила воздействия этих текстов огромна из-за неподражаемости материала. Тенденции же его освещения ярко проявились в заметке Анатолия Чепарухина «Как я эвакуировался из гор. Ленинграда до Раменского» (№ 8, 2004).

Это странички из дневника ребёнка, описывающие неделю жизни (с 22 по 29 июля 1942 г.), которую заняла дорога в эвакуацию. Совершенно безыскусное повествование, написанное выразительно скупым языком (простой, почти упрощённый синтаксис, преобладание именных и глагольных форм, монотонность интонации); редакция удачно сохранила орфографию подлинника. Подробно и старательно, с указанием времени, погоды, номеров вагонов, цен за погрузку, ребёнок рассказывает о том, что ему кажется важным. А важны только факты. Читатель видит поезд, грузовик, катер, автомобиль, опять поезд; пересадки, обеды, добывание воды, ожидание в очередях, поиски вещей. Отсутствие даже намёка на эмоции и переживания делает текст очень своеобразно воздействующим. Страшное и горькое – прощание с отцом, городом и домом, голод и опасности военной дороги, сразу и навсегда прекратившееся детство – всё это не осознано. Мир сужен до точки сейчас и здесь, но ощущение огромности происходящего сказывается во внимании к внешнему миру. Мы видим как будто «минус жизнь», сознание, работающее словно вхолостую, замершее от невозможности понять, неумения выразить,

но способное ощутить. Ощущается так, что отнимает война не детство, а всю жизнь.

В сущности, все просмотренные мною материалы – вполне частные, касающиеся конкретных событий в жизни переживших войну обычных людей. В них тщательно воссоздаются факты и имена (даже не образы) встреченных людей; это учителя и врачи, помогавшие детям во время блокады и в эвакуации, незнакомые солдаты, случайные соседи; эпизоды боя или отступления, военных дорог и выживания в быту. Эти крохотные картинки и факты, тщательно сохраняемые памятью, отражают понимание вписанности своей частной жизни в историю страны каждым пережившим войну.

Что же касается отражения внутреннего мира повествующих, то воспроизводимые чувства типичны и неиндивидуальны: страх бомбёжки, растерянность на передовой в 1941; но самое частое и самое сильное – вера в победу. Оно было у всех: солдат и женщин, воюющих и лечашихся, оккупированных и эвакуированных, детей и стариков. Аналогично все, пережившие войну, знают скорбь об ушедших и гордость победы.

Названные тенденции – общие, что подтверждается следующим примером. № 6 «Звезды» за 2001 г. знакомит читателя с «Записками солдата» Юрия Никулина. Служивший в артиллерии Никулин принимал участие в обороне и освобождении Ленинграда. Об этом он и написал на листках, хранившихся вместе с журналом 1 батареи 72-го отдельного зенитного дивизиона, в котором служил до июня 1945, как особенно дорогие для него вещи. Записки не были предназначены к печати, о войне Никулин, по воспоминаниям, не любил говорить, и после его смерти их обнародовала вдова, признаваясь в собственных сомнениях по этому поводу. Литературным талантом, в отличие от актёрского, Никулин не обладал. Очень явно в тексте стремление к точной фиксации времени событий и особенностям расположения батареи. Настроения же выражены совершенно общими фразами и штампами. Не до работы со словом было молодому артиллеристу, но что явно осознавалась важность происходящего, отсюда и внимание к фактической стороне дела.

В мемуарах о войне личные переживания не акцентируются, зато как можно более подробно воспроизводятся события, независимо от их масштаба. Даже если речь идёт о значительных сражениях, как Сталинград или блокада, то чаще рассказываются, так сказать, периферий-

ные эпизоды, частные, отражающие не штабную жизнь, и даже не окопную, а бытовую, которую невозможно представить, не пережив. Это всегда интересно любому человеку, поскольку в бесконечном многообразии представляет опыт повседневного существования в нечеловеческих условиях. А значит, объясняет человека.

Характерно, что в мемуарах, где рассказ о войне – лишь фрагмент текста, именно война дана как не индивидуально пережитая. Эта разновидность воспоминаний – например, «Оглянись на середине» Б. Васильева или «Три сестры» В.С. Балиной, или «Вот прапорщик юный со взводом» Г. Удинцева – представляет войну неотъемлемой частью жизни советского человека. Она естественно включена в биографию мемуариста наряду с другими событиями жизни и даёт важный опыт взросления, выживания, понимания истории и человека, общего существования. Последнее кажется особенно важным. Война обязательно упоминается, но не обязательно акцентируется в силу понимания общезначимости события. Показателен в этом отношении Борис Васильев, устойчиво относимый нами к писателям-фронтовикам. Сын офицера, прошедший войну, размышляет об истории семьи и страны, парадоксально не выделяя опыт Великой Отечественной. Очевидно, что война осознаётся не только личной трагедией, это всеобщая беда, когда акцентирование индивидуальных переживаний неуместно; привлекать внимание к собственной персоне на фоне национальной трагедии нескромно. Иллюстрацией этой мысли является момент из воспоминаний Ю. Василькова «Возвращение» («Нева», № 1, 2001). Она рассказывает, как 21 июня 1941 г., будучи 10-летним ребёнком, до пояса в гипсе из-за костного туберкулёза, горько плакала из-за предстоящего расставания с мамой (девочке дали путёвку в санаторий под Лугой); на следующий же день, 22 июня, она не плакала. «Это было уже страшное горе всей страны, а не только моё личное горе».

Заметка Анатолия Чепарухина «Как я эвакуировался из гор. Ленинграда до Раменского» опубликована в рубрике «Седьмая тетрадь». Рядом с ней – воспоминания Льва Дурова о немецком плене 1914 года, документально-мемуарная статья об алма-атинской жизни Мих. Зощенко, история появления «Фрегата «Паллада» И.А. Гончарова и заметки переводчика российских президентов. Таким образом, дневниковый текст ребёнка поставлен в один ряд с воспоминаниями профессионалов пера, а военная дорога – с событиями культуры и истории, вошед-

шими в учебники. Война осмыслена нашей культурой, но никак не может стать её частью.

Отмечу 2 образа памятников, возникших у авторов военных мемуаров из журнала «Нева». Н. Сотников, прошедший войну до Берлина, предлагает поставить памятник русской девушке-регулировщице, восстанавливающей порядок на европейских дорогах в мае 1945. («На рассвете нашей победы», №6, 2003). Л. Ратнер мечтает о памятнике, куда бы он мог принести цветы, вспомнив о матери, тётке и братьях, не переживших, в отличие от него, блокаду, но помогших выжить ему. «У войны, конечно, не женское лицо. А у блокады – женское, женское и детское», – заканчивает он свои мемуарные заметки. Памятником войне странно становится образ женщины: воплощение надежды на жизнь и благодарности за жизнь символизирует в сознании людей память о войне. Память, а не саму войну, поскольку вызывает ассоциации с продолжением жизни.

Надо сказать, что женские тексты о войне отличает тоже эта особенность: стремление увидеть и в войне жизнь, потому что женское чувство не принимает гибель как норму, не может с этим согласиться. Самое сильное произведение, из всех прочитанных – главы из прекрасной книги А. Польц «Женщина и война» («Нева», № 2, 2004). В предисловии к публикации А. Мелихов совершенно оправданно рекомендует книгу современным школьникам для внеклассного чтения. Мемуары венгерской женщины – с нашей точки зрения, нейтрального свидетеля, фиксируют страшнейшие явления войны, которые могут вызвать праведный гнев и физическое отвращение, слёзы и боль, бунт и ответную агрессию. Это очень страшные мемуары, написанные жертвой событий и человеком иной культуры, что придаёт взгляду автора убедительную объективность. Но особенно важно, что в книге нам явлен пример христианского смирения и женской мудрости, всё умеющей понять и простить, всех пожалеть высокой, несентиментальной материнской заботой.

По поводу «Невы» остановлюсь ещё на одной тенденции. В № 10 за 2004 год журнал публикует заметку Евг. Вертеля «Особенности национальной памяти» с посвящением светлой памяти отца (участника войны). Начинается заметка исключительно интересным фактом: рассматривая немецкий календарь, автор увидел комментарий к дате 9 мая: «9 мая 1837 года в Рюссельсхайме родился Адам Опель – будущий машиностроитель». Реакция русского на этот факт вполне предска-

звезда, и никакие дальнейшие рассуждения об официально проводимой в Германии политике осуждения фашизма и утверждения интернационализма не снимают первого потрясения. Но в следующем номере журнал печатает заметку Г. Ястребинского «О войне, или Последняя буква алфавита», в которой член-корреспондент Российской Академии художеств рассказывает о своём мирном общении с немцами, а редакция упоминает памятники его работы, хранящиеся в музеях и частных коллекциях Германии. Утверждение интернационализма и стремление предоставить слово очевидцам войны с обеих сторон, утвердить войну как событие, противное всем людям, независимо от национальности, – осознанная линия журнала. Самым показательным в этом отношении является интервью с известным немецким славистом Вольфгангом Казаком под названием «Близость к русским началась у меня в плену». В интервью, в частности, рассказывается о русском офицере НКВД, спасшем жизнь и честь будущему автору «Лексикона русской литературы XX века», первого труда подобного рода в истории русской литературы XX столетия.

Отмечу, что подобные материалы – о терпимости и великодушии русских в Европе, о проявлениях человечности немцами во время оккупации, о возникавшей во время войны дружбе с чехами, румынами, поляками, об интернациональном составе Советской армии, – такие материалы встречаются в «Неве», «Москве» и «Звезде», исключением здесь является «Наш Современник». Но общий пафос всех журналов – утверждение героизма людей во время войны.

В пару к краеведческому уклону «Невы», журнал «Москва», естественно, часто публикует воспоминания о событиях осени-зимы 1941 года, как самом трагическом военном периоде в жизни города. Особенно выразительны воспоминания А. Первенцева «Москва опалённая. Дневник войны» (№6, 2001). Автор воспроизводит свой дневник 1941 года, где запечатлена жизнь москвичей в начале войны, до кризисного дня 16 октября. Он использует выразительный и простой эпитет для характеристики хаоса и растерянности, царящих в эти дни в столице: «брошенный город»: «Я утверждаю, что Москва была панически оставлена высшими представителями партии, или же комитет обороны был слеп и, сидя за кремлёвской стеной, ничего не видел, что делается в городе...», – выделяет он крупным шрифтом. Его воспоминания могут служить развёрнутым комментарием к краткому эпизоду в романе К. Семёнова «Солдатами не рождаются», где описано возвращение Синцова в Москву.

Непосредственно военной Москвой посвящено и повествование Нины Молевой, профессора, доктора исторических наук, кандидата искусствоведения, члена Союза Художников России «Перелом под Москвой». Это фрагменты её книги с цитатным названием «Смерть пионерки». Автор в своём трудноопределимом по жанру произведении неожиданно и по-новому рассказывает о жизни столицы, с её трудностями, скорбями и неожиданными радостями, героизмом и, главное, неизбывным стремлением к устроению жизни. Существенным достоинством книги стало воспроизведение в тексте архивных документов, разносторонне свидетельствующих о выживании города. Например, публикуется письмо жителей Москвы председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому о голоде в столице и требованием мер по его устранению, и здесь же разрешение Моссовета истратить 10 т. кондитерских изделий на новогодние подарки детям 27 декабря 1941 г.; о запрете на въезд в Москву без разрешения НКВД и о консервации филлоплощади эвакуированных; об организации культурно-массовой работы в военных подразделениях и среди детей, например, об организации катков и горок во дворах. Документальной стороной повествование убеждает в вечной сложности и необозримом многообразии жизни во время страшной войны.

Если «Нева» публикует, в основном, авторов, живущих в Санкт-Петербурге, и внимательно собирает все воспоминания о военных действиях в Ленинграде и окрестностях, то «Москва» в понятие «московский» включает не только «защищавший Москву» и «живший в Москве», но и «уехавший на войну из Москвы». Например, в № 5 за 2001 г. печатаются воспоминания Т. Репиной «Солдатский аттестат зрелости», в которых рассказывается о юной москвичке, отказавшейся от эвакуации и ушедшей на фронт медсестрой; её война имеет широкий географический охват. Аналогично заметка В. Беляева и В. Семёнова «Салют Победы» (№5, 2004) рассказывает о военных действиях от Москвы до Кёнигсберга, включая битву на Курской дуге.

Словно стесняясь своей столичности, журнал регулярно обращается к провинциальным материалам, например, из Оренбурга. В № 10 за 2003 год Мих. Зубов рассказывает о героях посёлка Шарлык, любовно собирая сведения о земляках в рассказах фронтовиков, в романе Шолохова «Они сражались за Родину», в стихах Мусы Джалиля. Оренбургский же автор Ю. Орябинский в №5 за 2004 г. печатает очерк «Вы-

жили и сберегли» о супругах, переживших военное расставание и сохранных друг для друга любовью.

Между «Невой» и «Москвой» есть и ещё одно различие: пафос трагедии преобладает в «Неве», а утверждение героизма и напоминание о радости победы – в «Москве». Это, кстати, единственный журнал, открывший в 2004 году рубрику «К 60-летию Победы». Объединяет же эти издания социальный статус авторов – это, в подавляющем большинстве, интеллигенция; в «Неве» преимущественно научная.